

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Женский портрет в интерьере науки

Седьмого августа член-корреспондент РАН, координатор программы Сибирско-французского центра исследований и образования по наукам о жизни, заведующая лабораторией Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, лауреат Государственной премии, заведующая кафедрой Алтайского госуниверситета, профессор НГУ доктор химических наук Ольга Ивановна Лаврик отмечает свой юбилей.

Динамичная, увлеченная, полная жизненной энергии Ольга Ивановна всегда в работе — многочисленные конференции, лабораторные заботы, написание заявок на гранты, руководство международными проектами и их координация, решение общеинститутских административных вопросов, руководство аспирантами и студентами и прочее, прочее, прочее... Во время каждой встречи удивляешься, как всё это можно успеть. Однако — успевает! При этом всегда элегантно — настоящая научная леди!

Всякий раз во время наших бесед мы обсуждаем проблемы сугубо научные, более чем серьезные. Но юбилей — повод поговорить просто «о жизни».

— Ольга Ивановна, что-то мы с вами всё больше о репликации ДНК. Давайте сегодня начнём издаека, расскажите о своем детстве, о семье, о том, как Вы «попали» в большую науку.

— Хорошо, но я думаю, что нам не удастся в нашем разговоре обойти научные аспекты и — увы! — злободневную проблему реформы РАН.

Я родилась и выросла в семье служащих, в Барнауле. Папа — инженер по образованию, он был директором треста «Алтайлес», потом работал в Томске, а мама — экономист, она работала с тканями, занималась дизайном одежды, сама хорошо шила и была, как сейчас бы сказали, дизайнером с безупречным вкусом. И, кроме того, великолепной хозяйкой.

— Интересно, а вам это всё передалось?

— К сожалению, лишь отчасти. Я пыталась воспринять чувство стиля, как нужно одеваться. Но не шила, не вязала, да и к домашним делам мама меня не особенно приучала. Но зато в школе я очень любила учиться, была отличницей; это отметили и отправили меня в Артек. А ещё ходила в музыкальную школу и из-за хорошей успеваемости даже едва не попала в музучилище. А вообще, вспоминая 50-е годы, понимаешь, как страна заботилась о воспитании и образовании своих граждан. Мы слушали разные передачи, концерты симфонической музыки по радио. Чего, например, стоила передача «Театр у микрофона»!... А ещё я очень любила читать: дома имелась большая библиотека, и уже в начальных классах я читала Чехова, Тургенева, Толстого, Достоевского.

— Неужели даже Достоевского! Наверное, с «Идиота» начали?

— Угадали, но поскольку этого автора я начала в четвёртом классе, он не очень хорошо воспринимался — показался слишком сложным. А вот другую русскую литературу читала с огромным удовольствием. Да и сейчас не упускаю возможности почитать.

— А научные устремления, когда и как они в вас проявились?

— Пожалуй, в начальной школе (шутка). Но если более серьёзно, то когда позднее началась химия, мне стало по-настоящему интересно узнать, чем занимаются учёные. Знаете, ведь все начинается с учителя, а у нас была прекрасная преподавательница химии, Анна Родионовна Малова. Она, вероятно, увидев мое стремление, выделила меня, стала дополнительно заниматься. Сама же я читала научно-популярные журналы, например, «Наука и жизнь», «Знание — сила». Мама очень это поддерживала, мы получали журналы домой. А в девятом классе я поняла, что чистая химия (органическая и неорганическая) мне нравится меньше, а более интересно протекание химических процессов в биологических системах. Вообще я ровно по всем предметам училась и окончила школу с золотой медалью.

— И сразу в НГУ?

— Да, когда я стала думать, что делать после окончания школы, то прочитала в газете о создании Новосибирского государственного университета, нацеленность которого — подготовка учёных. И без раздумий решила поступать в НГУ. Кстати, к этому времени отменили льготы для медальников, и я сдавала экзамены на общих основаниях. И в те годы

Дорогая Ольга Ивановна!

Президиум Сибирского отделения Российской академии наук и Объединённый учёный совет СО РАН по биологическим наукам сердечно поздравляют Вас с юбилеем!

Ученые Сибирского отделения, коллеги и друзья знают Вас как крупного специалиста в области изучения сложных надмолекулярных систем репарации и репликации ДНК, защищающих генетический материал от повреждений. Фундаментальные знания, полученные возглавляемым Вами коллективом, создали базу для разработки новых видов противоопухолевых препаратов.

Вами был открыт ряд ключевых элементов механизма узнавания транспортных РНК аминокислот-тРНК синтетазами, сделан значительный вклад в понимание физико-химических закономерностей матричного биосинтеза нуклеиновых кислот.

Достоин уважения Ваша преподавательская деятельность. Вы отдаете много душевных сил подготовке высококвалифицированных кадров молекулярных биологов в Новосибирском государственном университете.

О признании Ваших заслуг свидетельствует избрание Вас членом-корреспондентом Российской академии наук, членом редколлегии журнала «Молекулярная биология». Вы являетесь лауреатом Государственной премии СССР и лауреатом премии Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева.

Вы много сделали для развития сотрудничества сибирских учёных с учеными Франции, являетесь координатором созданного в Сибирском отделении РАН Французско-Сибирского центра исследований и образования.

Вы снискали уважение друзей и коллег, общение с Вами интересно и плодотворно.

От всей души желаем Вам, дорогая Ольга Ивановна, и Вашим близким долгого здоровья, благополучия, новых научных достижений, исполнения творческих замыслов!

Председатель Сибирского отделения РАН академик А.Л. Асеев
Председатель ОУС СО РАН по биологическим наукам академик В.В. Власов
Главный учёный секретарь Отделения чл.-к. РАН В.И. Бухтияров

тоже были различные эксперименты с вузами и экзаменами! После сдачи вступительных экзаменов была зачислена на факультет естественных наук.

— Какие воспоминания сохранились об учебной университетской поре?

— Считаю, что программа тогда была очень сложная, но интересная, причём до третьего курса большую часть своих усилий мы тратили на изучение математики, физики, а не химии, что казалось на первый взгляд довольно абсурдным.

— Такой подход оправдал себя?

— Безусловно! И только позже стало понятно, насколько жёсткость требований к студенту НГУ была оправдана. Университет научил нас думать самостоятельно, очень серьёзно работать (всё время сидела в библиотеке). Экзамены тоже были крайне трудные, много моих товарищей с курса отсеялось. Молодые преподаватели предлагали нам сверхсложные задачи, которые решались ими самими в ходе работы над диссертациями (сейчас такого нет, поскольку имеются многочисленные методички). Но если отвечал неправильно, то это вовсе не означало, что получишь двойку. Преподаватели старались подтолкнуть студента к самостоятельным оригинальным решениям, важно было показать правильный ход мыслей. На высочайшем уровне проводилось и преподавание химии. Физическую химию вели такие профессора как Д.Г. Кнорре, В.А. Михайлов, курс органической химии читали профессора В.П. Мамаев и Г.Г. Якобсон. Оценивая в целом систему образования в НГУ в то время, понимаешь, что студент успешно выдержавший «НГУшную» нагрузку, мог в дальнейшем не только преуспеть в науке, но и в других сферах деятельности.

— А чем ещё жили в те годы? Или только учились?

— Да, в основном только училась (до сих пор не понимаю, как успела в университете познакомиться с будущим мужем!). Но в каникулы увлекалась горными походами. Кроме того, всё-таки в самом университете всегда было очень интересно. Очень впечатляющим было общение с мэтрами науки, лекции приглашенных учёных, таких как Н.В. Тимофеев-Ресовский, Л.А. Блюменфельд и многих других. Лекции читались в большой физической аудитории и сопровождались дискуссиями. Хотелось бы упомянуть ещё одного замечательного человека — первого ректора НГУ академика И.Н. Веква. Вот у меня на стене фотография — он на снимке с нами, тогдашними студентами-отличниками на фоне здания университета. Это очень показательно: ректор был доступен, мы всегда могли к нему обратиться, подойти со своими проблемами. Ещё всегда помню нашего декана академика В.В. Воеводского — очень доброжелательного и весёлого человека. Мне как старосте группы приходилось с ним довольно часто общаться, причём происходило всё очень неформально и демократично, без всякой бюрократии и чопорности.

— Наверное, тогдашние студенты были как-то иначе мотивированы?

— Пожалуй, да. Мы (имею в виду, конечно, «усреднённого студента») были больше «заряжены» на науку. Мы же все хотели стать в основном учёными, и самое главное желание было — работать в науке. Этому способствовали и постоянные публичные лекции ведущих учёных, в которых подчеркивалось, что мы должны посвящать науке свою жизнь фактически целиком. Нам хотелось следовать за ними и стать вровень. Ну и потом — сама атмосфера Городка, те фильмы, которые мы смотрели, например, культовый «Девять дней одного года». Время-то было действительно особенное — спутник, полёт Гагарина.

Мы (да и вся страна) были на подъёме, были настоящими патриотами, многое хотелось совершить для страны и науки.

— Наверное, все ваше поколение жило этим... Ну а какие у вас лично были отношения с политикой, раз уж пошел такой пафосный разговор?

— В университетской студенческой среде принадлежность к КПСС в то время уже особенно не приветствовалась. Это было, наверное, влияние «оттепели». Мы слушали и читали стихи поэтов того времени, уже было телевидение, забываемое впечатление осталось от вечеров в Политехническом музее. Читали такие журналы как «Новый мир», «Юность», ходили в клуб «Под интегралом». Стали со скепсисом относиться к коммунистической идеологии, хотелось свободы и демократии. Я очень хорошо помню своего рода переломный момент (почти сразу после окончания университета) — ввод советских танков в Чехословакию. И постепенно все стали меняться, многие из нас даже и не заметили, как это произошло, как изменилась атмосфера в стране и свободные дискуссии ушли на кухню. А ведь в университете мы свято верили, что можно достичь успеха только работой, вышли в жизнь с такими «розовыми» мыслями. Оказалось, что это не совсем так и, что надо обладать дополнительными «политическими» качествами.

Меня (и очень многих), например, сильно шокировало, что никаким способом невозможно было выехать из страны и поработать в ведущих научных центрах. Я очень долго не могла пересечь границу. В то время во Франции, в Страсбурге, была прекрасная лаборатория, которая занималась изучением механизмов белкового синтеза. Так вот, на протяжении почти 10 (!) лет профессор Жан-Пьер Эбель, выдающийся учёный и организатор науки, присылал мне приглашения на стажировку с полным финансовым обеспечением поездки со стороны Франции. Но, увы, так меня и не выпустили. Таким образом, я долгие годы оставалась «невъездной» и, конечно, это был объективный негатив для моего профессионального роста. Разумеется такие действия не вызвали положительных эмоций. И только во время начавшейся перестройки удалось на месяц поехать в ГДР, затем — в Японию на конференцию. Кстати, действительно реальное достижение перестройки — это получение россиянами свободы: учёные могут более свободно ездить на работу за рубеж, а жители России посещать любые места на Земле. Молодёжь даже не понимает, что может быть иначе.

— Ну а как складывалась ваша научная карьера?

— Я ещё студенткой пришла в ИОХ в лабораторию Д.Г. Кнорре, затем поступила в аспирантуру. Это было прекрасное время. Под руководством Д.Г. Кнорре работал совершенно блестящий, сплочённый коллектив энтузиастов, единомышленников, который состоял из настоящих «звёзд». В лаборатории работали выдающиеся учёные, такие как Л.С. Сандахчиев, М.А. Грачев, Э.Г. Малыгин, А.С. Гиршович и многие другие. Все помогали всем, атмосфера царилась такая, что можно было получить совет, предложение, идею от любого сотрудника. Общались очень открыто, и, если «старички» видели у молодого сотрудника интерес к науке, всегда были готовы помочь.

Моя аспирантская работа продвигалась очень успешно, и даже рождение дочери в то же самое время не помешало мне защитить кандидатскую. Занималась я тогда исследованием ключевых ферментов биосинтеза белка (амиоацил-тРНК-синтетаз). Сразу после защиты Дмитрий Георгиевич предоставил в моё распоряжение небольшую группу по исследованию синтетаз, и я фактически начала самостоятельную деятельность. Работа развивалась более чем успешно, и в 1981 году я защитила докторскую диссертацию. В это время я также активно преподавала в университете, была